

Воды сверкают в лучах дневного солнца, а красный камень горы, обрамляющей западную часть деревни, придает им оранжевый оттенок, хотя свет искрится на их спокойной поверхности, словно бриллианты.

Это было такое безмятежное зрелище, что шумные звуки деревни за ее спиной мало чем нарушали спокойную атмосферу.

А вот ее мысли были заняты совсем другим.

Итачи никогда не был склонен к унынию и депрессии. Она казалась мрачным человеком, но на самом деле в большинстве случаев была довольна собой и своим положением в жизни.

Она не анализировала и не философствовала о своей работе, не искала морального оправдания и не вспоминала друзей и знакомых, потерянных за годы работы джоунином и Анбу. Горе имело свое место, как и чувство вины, но в конечном итоге в их мире все было просто.

Все умирали.

Будь то друзья или враги, люди умирали в этих маленьких, ежедневных войнах, которые деревни ниндзя вели друг против друга. Это было неизбежно и являлось просто необходимым побочным продуктом того, как было устроено их общество.

Но это было то, что тяготило ее. С тех пор, как она узнала об этом, оно не давало ей покоя.

Восстание.

Восстание, в котором она должна была стать острием копья.

Была ли она достаточно сильна, чтобы победить Хирузена?

Возможно.

Она уже была достаточно сильна, чтобы победить Хатаке-семпая в половине их поединков.

Кроме него, мало кто мог претендовать на роль соперника.

Но Сарутоби...

Его называли Богом шиноби, и не без оснований.

Даже в самый лучший день Сарутоби был лучшим, на что можно было надеяться.

Но Сарутоби был хорошим человеком...

Он был учеником Тобирамы, а ненависть Тобирамы к Учихе была глубока.

Настолько глубоко, что заразила Сарутоби, Хомуру и Кохару.

Все трое не доверяли Учихам, низводя их до уровня базовых ролей в деревне. Банальные должности, которые демонстрировали миру свою благосклонность, но на самом деле были лишь еще одним средством контроля. Для подавления клана.

Они выделили им участок земли под строительство домов вдали от деревни, почти в изоляции, огражденный стеной, чтобы держать их в узде, в то время как Хёуга находились почти в самом центре Конохи.

Им отводилась роль полиции Конохи. Но сколько силы и боевого опыта приобретает ниндзя, расправляясь с пьяными дебоширами и расследуя мелкие преступления. Редким убийством, совершенным ниндзя выше ранга чуунина, занимались Т&И, Анбу или элитные ниндзя Охотника, если преступник бежал из деревни.

А если и нет, то таких случаев было слишком мало.

Насколько мог вырасти клан ниндзя, который никогда не занимался полевой работой?

Сколько союзников они могли бы приобрести, если бы в умах некоторых простолюдинов не было обиды на их "привилегированный" статус. Это недовольство росло, когда день за днем Учиха выполняли грязную работу по наведению порядка и соблюдению законов деревни.

Она была исключением, а не нормой. Она была одной из семи Учиха, которые занимались полевыми работами.

Семи.

Все остальные застряли в клановом районе в вечной рутине.

Загнанные и покорные. Готовые к расправе, если понадобится.

Намикадзе первым нарушил рутину, вовлекая Фугаку, с которым учился в одном выпускном классе, в искренние разговоры о расширении роли Учихи в деревне и за ее пределами.

Потом Минато умер.

Но те семена обещаний уже были заложены в сознании ее отца.

Его не устраивало просто тихое возвращение к статус-кво, которое было при Сарутоби.

А после того, как Сарутоби получил отказ, как только старший мужчина вернулся на свой пост, во рту у него остался... неприятный привкус.

Этот неприятный привкус перерос в обиду, а из обиды - в тихую ненависть.

И вот теперь... они здесь.

Он замышляет свергнуть Сандайме.

Что тогда?

Захватить власть над деревней?

Покорить другие ниндзя и кланы, которые, несомненно, восстанут против "необоснованного" нападения Учихи?

Их клан состоял из двухсот человек. Треть из них никогда не держала в руках ножа, другая часть - мужчины и женщины, служившие в полиции, они не могли сравниться с джоунинами или анбу.

Но в сознании её отца... Сарутоби, Хомура, Кохару и Данзо были теми четырьмя упрямыми стенами, что стояли между кланом Учиха и чем-то лучшим, чем эти никчёмные банальности и меры пассивно-агрессивного контроля.

И в этом он, пожалуй, был прав.

Но думать, что после акта открытой враждебности можно будет сесть за стол переговоров...

Сарутоби слишком любили, и по большей части не без оснований.

Толпы людей, жаждущих его крови, было бы достаточно, чтобы ошеломить его, независимо от того, сколько союзников он заручился или не заручился помощью в этом перевороте.

Он должен был...

"Итачи-ни!"

Повернувшись, Сасукэ побежал к ней, сияя. "Сасу-чан".

Она тихонько рассмеялась, когда он нахмурился. Ему не нравится это имя. Наруто тоже не нравилось "Нару-чан".

"Как прошел твой первый день?" Она спрашивает, повернувшись к нему лицом, как раз перед тем, как он обнимает ее за талию.

"Все было хорошо". Он быстро ответил, прежде чем посмотреть на нее. "Но ты обещала помочь мне сегодня потренироваться в метании сюрикенов".

Она кивает, улыбаясь. "Обещал, не так ли?"

-0-

Позже, после того как детей забрали медики, после того как их вылечили и позаботились о них, саннин наконец-то находит подходящий момент, чтобы потребовать ответы на свои вопросы.

Рука, сжавшая сломанное запястье Наруто и скрутившая его, резко выдернула его из омута бессознательного мира.

Он бы закричал, если бы не другая рука, закрывшая ему рот.

"А теперь я задам тебе несколько вопросов". Саннин затянулся, сверкнув золотыми глазами. "Ты ответишь на них полностью. Мы поняли друг друга?"

Голубые глаза сузились, призраком того выражения, которое вечно украшало черты лица Наруто с четырех лет, превратился в проявление открытой враждебности.

В его свободной руке начала формироваться та самая техника, которая сегодня принесла столько сюрпризов. Мертвая техника, которую Минато не передал. То, чем никто не умел владеть, расцвело в мальчишеской руке.

Орочимару убрал руку, заставлявшую блондина молчать, и, схватив его за неповрежденное запястье, выпустил в его плоть поток чакры, нарушив тонкий контроль, превратив Расенган из идеальной сферы в скрежещущий, исковерканный массив крутящихся осколков чакры, которые вскоре рассеялись.

Наруто зашипел, стиснув зубы и обнажив клыки.

"Есть только два человека, которые когда-либо знали эту технику. Оба были мертвы прежде, чем ты успел сформировать связную мысль". Он крепко сжал руку, чувствуя, как кости скрежещут под его хваткой. "Кто тебя научил?"

Он рассмеялся - шипяще-болезненно, сквозь стиснутые зубы. "Белые волосы, одет как Кабуки. Подглядывал..."

Он затянул хватку и почувствовал, как что-то еще щелкнуло.

Мальчик застонал.

Все больше и больше становилось очевидно, что это просто ненормально. Ни у одного ребенка, как бы хорошо он ни был обучен, не может быть такой высокой устойчивости к боли.

"Джирайя мертв". Он зашипел.

Наруто хихикнул. "Я знаю! Хахаха! Я знаю всех, кто сейчас мертв!"

Хихиканье продолжалось, превращаясь в истерическое издевательство, когда мальчик в его руках дергался, глаза стекленели от боли, даже когда он смеялся.

Орочимару обнажил клыки. "Кто научил тебя Расенгану!"

"Я даже знаю тебя". Вместо этого он ответил. "Хе-хе. Я тебя знаю". Геннин прищурился. "О, но я думаю, что ты сбежал..." Его улыбка исчезла, став серьезной. "...ты сбежал".

Смех вернулся.

"Это просто... так жалко!"

Он отпустил его и накинул на него спящую иллюзию, наблюдая, как глаза мальчика закрываются, а смех утихает, и он погружается в дремоту, оставляя после себя сбитого с толку саннина.